

Н.С. Воронцов*

«ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ОТКРЫТИЯ...»: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ИНСТИТУТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-17
УДК 94(571.6).084.9*Выходные данные для цитирования:**Воронцов Н.С. «Воздержаться от открытия...»: неосуществленные планы создания новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 232–242. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-17.pdf>*

N.S. Vorontsov*

“REFRAIN FROM OPENING...”: UNFULFILLED PLANS FOR THE CREATION OF NEW INSTITUTES OF THE FAR EASTERN BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE LATE 1980S – EARLY 1990S

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-17

*How to cite:**Vorontsov N.S. “Refrain from Opening...”: Unfulfilled Plans for the Creation of New Institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in the Late 1980s – Early 1990s // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 232–242. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-17.pdf>]*

Abstract. Based on archival materials, the article examines unrealized projects of new institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in 1987–1991. The background of the formation of the scientific network in the Far East is considered, revealing a persistent gap between strategic plans and their resource provision. It is shown that the transformation of the Far Eastern Scientific Center into the Branch of the USSR Academy of Sciences in 1987 was accompanied by large-scale plans to create new institutes in various cities of the region. The most elaborated but unrealized projects are analyzed in detail: the Institute of Experimental Plant Physiology and Biochemistry, the Institute of Forest and Forest Chemistry in Vladivostok, the Institute of Stratigraphy and the Institute of Natural Resource and Economic Problems of the North in Magadan. Scientists’ initiative proposals (including the project of a cooperative institute for wastewater treatment) are also considered, as well as the history of the permanent reorganization of the Institute of Ocean Economy, which ended with its liquidation in 1992. The scientific background, personnel potential, and material base of the departments intended to serve as the foundation for new institutes are identified. Particular attention is paid to the reasons for abandoning the projects: the systemic crisis of capital construction, the lack of housing for scientists, and the failure of local authorities to fulfill their obligations. The motives that prompted the Presidium of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences to suspend the organization of new institutes by its directive of May 17, 1990, are revealed. It is concluded that the policy of extensive growth had exhausted itself, giving way to a survival strategy in the context of the growing crisis and the collapse of the USSR. A significant body of previously unpublished archival documents is introduced into scientific circulation.

Keywords: Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences, academic science, history of science, perestroika, Far East, unrealized projects.

* **Николай Степанович Воронцов**, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: nsv91@yandex.ru

Nikolai Stepanovich Vorontsov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: nsv91@yandex.ru

The article has been received by the editor on 24.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе архивных материалов исследуются неосуществленные проекты новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР в 1987–1991 гг. Рассмотрена предыстория формирования научной сети на Дальнем Востоке, выявившая устойчивый разрыв между стратегическими замыслами и их ресурсным обеспечением. Показано, что преобразование Дальневосточного научного центра в отделение АН СССР в 1987 г. сопровождалось масштабными планами создания новых институтов. Подробно проанализированы наиболее проработанные, но нереализованные проекты Института экспериментальной физиологии и биохимии растений, Института леса и лесохимии во Владивостоке, Института стратиграфии и Института природно-хозяйственных проблем Севера в Магадане. Рассмотрены инициативные предложения ученых (включая проект «кооперативного» института по очистке стоков), а также история перманентной реорганизации Института экономики океана, завершившаяся его ликвидацией в 1992 г. Выявлены научный задел, кадровый потенциал и материальная база подразделений, на основе которых предполагалось создать новые институты. Особое внимание уделено причинам отказа от реализации: системному кризису капитального строительства, отсутствию жилья для ученых, невыполнению обязательств местными властями. Раскрыты мотивы, побудившие Президиум ДВО АН СССР распоряжением от 17 мая 1990 г. приостановить организацию новых институтов. Сделан вывод об исчерпании политики экстенсивного роста и переходе к стратегии выживания в условиях нарастающего кризиса и распада СССР. Введен в оборот массив ранее не публиковавшихся архивных документов.

Ключевые слова: Дальневосточное отделение АН СССР, академическая наука, история науки, перестройка, Дальний Восток, нереализованные проекты.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026 г.

Введение. Планы развития научных учреждений на восточных рубежах России неоднократно сталкивались с проблемой соответствия стратегических замыслов реальным возможностям их воплощения. Особый интерес в этом контексте приобретают неосуществленные проекты конца 1980-х – начала 1990-х годов. Проблема развития сети академических научных учреждений в регионе неоднократно попадала в объектив исследователей¹. Отдельные неосуществленные проекты (прежде всего биологического профиля) уже рассматривались в работах члена-корреспондента РАН В.В. Богатова². Однако комплексного исследования, охватывавшего все многообразие планов создания новых научных учреждений, до настоящего времени не предпринималось. Источниковую базу составили материалы Архива Дальневосточного отделения РАН и Государственного архива Хабаровского края: постановления и распоряжения Президиума Дальневосточного отделения, справки-обоснования, стенограммы заседаний, переписка с партийными организациями, а также материалы печатного органа ДВО АН СССР – газеты «Дальневосточный ученый».

¹ Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216; Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 8–18.

² Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток, 2024. С. 435; Богатов В.В. Организатор биологической науки: к 100-летию со дня рождения П.А. Лера // Биота и среда природных территорий. 2024. Т. 12, № 3. С. 59–63.

Формирование сети научных учреждений на Дальнем Востоке: от первых проектов к Дальневосточному отделению АН СССР. Первая масштабная попытка институционализации науки в регионе относится к периоду Гражданской войны, когда учеными на территории «белой» Сибири обсуждался проект создания Института исследования Сибири (ИИС) с сетью местных отделений, в значительной степени предвосхитивший идею региональных филиалов и отделений Академии наук СССР. В 1919 г. планировали создать Среднесибирское и Дальневосточное отделения ИИС. Место размещения последнего оставалось предметом споров – ряд ученых высказались в поддержку Хабаровска и Благовещенска³, но в итоге в декабре 1919 г. работа бюро съезда по организации отделения развернулась во Владивостоке. Впрочем, деятельность Института исследования Сибири и его отделений не могла быть налажена в условиях стремительно менявшейся военно-политической обстановки и смены власти. Как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, это стало первым «нереализованным шансом» дальневосточной науки⁴.

Новый более масштабный этап проектирования научных учреждений на Востоке страны пришелся на начало 1930-х годов. и был связан с созданием Дальневосточного филиала (ДВФ) АН СССР. Академик В.Л. Комаров, вдохновитель и организатор филиала, отмечал, что Академия наук СССР далеко не единодушно приняла идею выхода за пределы Москвы и Ленинграда. Доклад В.Л. Комарова о необходимости формирования региональных подразделений первоначально был встречен весьма настороженно: «если бы пустил это дело на голосование, – вспоминал В.Л. Комаров, – я бы остался при очень маленьком числе сторонников; такова сила привычек»⁵. Вопреки сомнениям ДВФ был открыт в 1932 г. Уже в первые месяцы развертывания филиала началась организация Биологического, Химического и Технического институтов. В производственных планах ДВФ обсуждалось создание Энергетического, Геологического институтов и сети станций, однако из этих замыслов до реализации дошли лишь единицы⁶. Последовавшая в 1939 г. ликвидация самого Дальневосточного филиала перечеркнула большинство начинаний предшествующих лет. Причины неудач носили комплексный характер: недофинансирование, отсутствие жилья и инфраструктуры⁷, кадровый голод, репрессии 1930-х годов, затронувшие дальневосточных ученых, и бюрократическая инерция⁸.

Спустя десятилетие, в 1949 г., на основе существовавшей с 1943 г. базы АН СССР был вновь образован Дальневосточный филиал. Президиум ДФВ разместился во Владивостоке. После создания в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР Дальневосточный филиал вошел в его состав. В конце 1950-х годов развернулось проектирование Академгородка во Владивостоке, обозначившее намерение советского руководства закрепить за этим городом роль главного научного центра Дальнего Востока⁹. Некоторое время приоритет Владивостока пытался оспорить Хабаровск. Так, в 1962 г. региональное совещание по развитию производительных сил Дальнего Востока просило организовать в Хабаровске комплексный научно-исследовательский институт (ХабКНИИ) с дальнейшим развертыванием на его базе новых научных учреждений¹⁰. В 1966–1968 гг. Хабаровский крайком КПСС предлагал создать в городе девять академических институтов (включая институты физико-математического,

³ Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123.

⁴ Кузнецов А.М. Нереализованный шанс дальневосточной науки // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019. № 1. С. 131.

⁵ Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке... С. 169.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ Малявина Л.С. Научные учреждения советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 59–60.

⁹ Богатов В.В. Из истории становления Дальневосточного научного центра АН СССР // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2020. № 5. С. 5, 7.

¹⁰ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 80. Д. 116. Л. 130–131.

геологического и экономического профилей)¹¹. Однако далеко не все пожелания были воплощены в жизнь¹².

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1969 г. «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» вывело академические учреждения Дальнего Востока из состава Сибирского отделения АН СССР, придав им статус самостоятельного Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР. В 1970 г. в его составе было восемь институтов: Дальневосточный геологический институт, Биолого-почвенный институт, Институт биологически активных веществ (впоследствии Тихоокеанский институт биоорганической химии), Институт биологии моря во Владивостоке, Институт вулканологии в Петропавловске-Камчатском, Северо-Восточный комплексный НИИ (СВКНИИ) в Магадане, Сахалинский комплексный НИИ в Южно-Сахалинске, Хабаровский комплексный НИИ¹³.

В 1971–1976 гг. число научных учреждений ДВНЦ удвоилось: во Владивостоке открылись Институт химии, Институт автоматики и процессов управления, Тихоокеанский океанологический институт, Тихоокеанский институт географии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; в Хабаровске – Институт тектоники и геофизики и Институт экономических исследований; в Магадане – Институт биологических проблем Севера. В 1980–1987 гг. последовало создание Амурского комплексного НИИ в Благовещенске, Вычислительного центра и Института горного дела в Хабаровске, Института экономики океана во Владивостоке¹⁴, Института космофизических исследований и распространения радиоволн на Камчатке¹⁵.

Проблемы роста и размещения новых институтов. К 1987 г. в ДВНЦ насчитывалось более двух десятков институтов, в которых работало 2 760 научных сотрудников, в том числе 2 академика, 14 членов-корреспондентов АН СССР, 129 докторов и 1 184 кандидата наук¹⁶. Однако развитие материальной базы безнадежно отставало от организационных решений. За три пятилетки (1971–1985) планы капитального строительства систематически не выполнялись, опустившись с 84 % в первой половине 1970-х годов до 63 % в начале 1980-х годов.¹⁷ Не были построены в установленные сроки здания Института биологии моря и Тихоокеанского океанологического института во Владивостоке, Вычислительного центра в Хабаровске, Института биологических проблем Севера в Магадане. Аналогичные тенденции наблюдались в строительстве жилья для сотрудников ДВНЦ¹⁸.

Вместе с тем нарастание кризисных явлений и проблемы капитального строительства не должны были стать препятствием для дальнейшего расширения сети научно-исследовательских учреждений. После преобразования ДВНЦ в Дальневосточное отделение (ДВО) АН СССР, закрепленного постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 сентября 1987 г. № 1088, академическое руководство приняло целый ряд решений, инициировавших создание новых институтов.

Перечень вновь образуемых научных учреждений стал предметом обсуждения еще на этапе подготовки создания ДВО АН СССР. В ноябре 1986 г. на выездном заседании Президиума АН СССР рассматривалась возможность организации *Института социальных и экономических проблем зарубежных стран* (ИСЭПЗС). За право его размещения боролись Владивосток и Хабаровск. Первоначально предполагалось поместить институт в открытом для иностранцев Хабаровске, выделив из Института экономических исследований¹⁹. Возглавлявший ДВНЦ, а затем и ДВО АН СССР академик В.И. Ильичёв считал создание ИСЭПЗС

¹¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 130. Л. 4–6; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 404. Л. 7–10.

¹² Бузник В.М. Хабаровский научный центр ДВО РАН: история, состояние, проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН. 2001. № 6. С. 11.

¹³ Научный архив ДВО РАН (НА ДВО РАН). Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 79.

¹⁴ Там же. Д. 717. Л. 38.

¹⁵ Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России... С. 17.

¹⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 79.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 80–82.

¹⁹ Там же. Д. 715. Л. 164–165.

в Хабаровске невозможным ввиду отсутствия готовых помещений и предложил переместить его во Владивосток, открыв отделения в Находке и Хабаровске²⁰. Однако в итоговом перечне институтов ИСЭПЗС уже не фигурировал²¹. Приоритет получили иные проекты: Институт прикладной математики и Институт проблем морских технологий во Владивостоке, Институт машиноведения и металлургии в Комсомольске-на-Амуре (открытие которого воспринималось как «завоевание нового города»²²) с отделением в Хабаровске. Все три института были созданы в течение 1988 г., однако столкнулись с теми же проблемами – отсутствием зданий и жилья²³.

Северо-восточный вектор: проекты Института стратиграфии и Института природно-хозяйственных проблем Севера. В конце 1980-х годов активно прорабатывались проекты создания академических учреждений на Северо-Востоке СССР, призванные усилить научное обеспечение крупнейшего горнопромышленного региона страны. Наиболее значимыми среди них должны были стать Институт стратиграфии и Институт природно-хозяйственных проблем Севера в Магадане.

Инициатива создания *Института стратиграфии* была оформлена постановлением Президиума Дальневосточного отделения АН СССР от 30 ноября 1988 г. Базой для организации нового института должна была стать лаборатория стратиграфии и палеонтологии, а также лаборатория палеомагнетизма СВКНИИ²⁴. Основанием для принятия решения послужило заключение Объединенного ученого совета по геологии, геофизике, геохимии и горным наукам. Необходимость создания института диктовалась не только потребностями развития фундаментальной геологической науки, но и нехваткой кадров в стратиграфии. Наиболее ярко эта проблема была сформулирована в выступлениях и публикациях предполагаемого руководителя института, доктора геолого-минералогических наук К.В. Симакова, члена Межведомственного стратиграфического комитета СССР. Он предупреждал, что стратиграфия в СССР «близится к полному физическому исчезновению»: молодые специалисты составляют менее 1 %, исчезают научные школы. «Если мы и далее будем относиться с пренебрежением к стратиграфии, – заявлял он, – то в ближайшее десятилетие будем вынуждены приглашать для повседневных палеонтологических определений иностранных специалистов»²⁵.

Параллельно в Магадане планировалось открытие *Института природно-хозяйственных проблем Севера*, ориентированного на комплексные эколого-социально-экономические исследования. Инициатива исходила от Отделения экономики АН СССР и была оформлена решением Бюро Отделения от 8 февраля 1989 г., подписанным академиком-секретарем А.Г. Аганбегяном. Необходимость создания института обосновывалась потребностью в изучении закономерностей формирования природно-хозяйственных систем на примере Северо-Востока СССР. Научными направлениями института утверждались теоретические и методические вопросы эколого-экономических оценок освоения природных ресурсов, разработка механизмов регионального природопользования и создание геоинформационных систем²⁶. Базой для создания Института природно-хозяйственных проблем Севера должен был стать одноименный отдел СВКНИИ. Функции директора-организатора предполагалось возложить на заведующего отделом, доктора экономических наук Б.Х. Краснопольского. В структуре института предусматривалось создание лаборатории по изучению зарубежного опыта стран северного региона. Особенностью проекта стало развитие международных связей: Б.Х. Краснопольскому поручалось подписать договор о сотрудничестве с Институтом социальных и экономических исследований Аляскинского университета²⁷.

²⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 717. Л. 30.

²¹ Там же. Д. 812. Л. 13.

²² Там же. Д. 999. Л. 32.

²³ Там же. Л. 33.

²⁴ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 823. Л. 161.

²⁵ Алексеев А. Кирилл Симаков: нельзя стратиграфию отправить на «пенсию» // Дальневосточный ученый. 1991. 30 янв. – 5 фев. С. 5.

²⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Л. 2.

Проекты институтов биологического профиля во Владивостоке. Не менее детальной проработкой характеризовались планы организации двух институтов биологического направления во Владивостоке: Института экспериментальной физиологии и биохимии растений и Института леса и лесохимии²⁸. Оба проекта были одобрены Президиумом ДВО АН СССР 22 февраля 1989 г. в постановлении № 19, принятом на основании доклада члена-корреспондента АН СССР П.А. Лера, директора Биолого-почвенного института²⁹. К каждому проекту прилагались развернутые справки-обоснования, раскрывавшие целесообразность создания институтов, имевшийся научный задел, кадровый потенциал и материальную базу подразделений, на основе которых предполагалось сформировать НИИ.

Необходимость формирования *Института экспериментальной физиологии и биохимии растений* была обусловлена стремлением ликвидировать пробел в изучении физиологии растений в местных специфических условиях. Контрастность климата, высокий инфекционный фон и низкий уровень окультуренности почв существенно осложняли растениеводство, что требовало создания научно обоснованной программы формирования урожая, селекционного улучшения растений и разработки стратегии интегрированной защиты³⁰.

Базой для создания нового института должен был стать отдел физиологии и вирусологии растений Биолого-почвенного института ДВО АН СССР. В состав отдела входили пять лабораторий и две специализированные группы, занимавшиеся физиологией растений, вирусологией, биотехнологией. Общая численность сотрудников составляла 91 чел., из них 48 научных сотрудников, в том числе 1 доктор и 24 кандидата наук. Отдел располагал 700 м² лабораторных помещений, оборудованием на сумму свыше 1,5 млн руб., теплицей и климатическими камерами³¹. В структуре института планировалось создать более десяти лабораторий, охватывающих направления от генетики и вирусологии до биотехнологии и клеточной селекции. Руководителем-организатором Института экспериментальной физиологии и биохимии растений должен был стать доктор биологических наук Ю.Н. Журавлев³².

Проект *Института леса и лесохимии* обосновывался как фундаментальными, так и прикладными задачами. В справке-обосновании подчеркивалось, что леса в южной части региона оказались истощены промышленными заготовками, остро встала проблема сохранения уникальных широколиственно-кедровых лесов, при этом кардинально не решались вопросы использования лиственной древесины и отходов лесозаготовок. Требовалась разработка программы комплексного использования всех видов лесного сырья, включая химическую и механическую переработку, а также методов повышения продуктивности лесов, их охраны и восстановления. Базой для института должен был стать отдел леса БПИ, насчитывавший 105 чел. (включая 35 научных сотрудников, из них 3 доктора и 12 кандидатов наук), располагавший двумя стационарами и оборудованием на 355 тыс. руб.³³ В структуре института предполагались отделы лесной биогеоценологии, генетики и селекции, химии и переработки древесины, экономики лесных ресурсов и др. Основные направления включали изучение леса как элемента биосферы, разработку методов комплексного использования лесных ресурсов и их экономическое обоснование. Руководителем должен был стать доктор биологических наук Ю.И. Манько³⁴.

В сентябре 1989 г. газета «Дальневосточный ученый» сообщила читателям, что согласно постановлению бюро Отделения общей биологии в Приморском крае будет организован Институт леса и лесохимии³⁵. Однако, вопреки сообщению газеты, институт создан не был. Существующие лаборатории и отделы продолжили работу в структуре Биолого-почвенного института.

²⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 885. Л. 38–39.

²⁹ Богатов В.В. Организатор биологической науки... С. 59.

³⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 885. Л. 93–95.

³¹ Там же. Л. 93.

³² Там же. Л. 95.

³³ Там же. Л. 90–92.

³⁴ Там же. Л. 91.

³⁵ Быть институту леса // Дальневосточный ученый. 1989. 13–19 сент. С. 1.

Пределы роста: решение о приостановке создания новых институтов. Масштабное планирование организации новых институтов, развернувшееся в 1988–1989 гг., вступило в противоречие с реальным положением дел в материально-техническом обеспечении академической науки на Дальнем Востоке. Пока в Президиуме ДВО АН СССР разрабатывалась структура будущих институтов и согласовывались их научные направления, ситуация со строительством помещений для размещения научных учреждений в регионе оказалась катастрофической.

Организации Министерства строительства в восточных районах СССР не справлялись с планами сооружения важнейших объектов уже созданных НИИ. В этих условиях продолжение политики экстенсивного роста, выражавшейся в утверждении все новых институтов, становилось не просто затруднительным, но и опасным, поскольку грозило дискредитацией Академии в глазах региональных властей и общественности. Строительство жилья также велось с хроническим невыполнением планов, а местные советы народных депутатов удерживали до 50 % вводимой площади³⁶. Перенос запланированных к созданию институтов из Владивостока в Хабаровск, еще недавно претендовавший на роль альтернативного центра науки, также оказался невозможен. Так, еще в феврале 1988 г. первый секретарь Хабаровского крайкома Г.А. Черный, подводя итоги многолетней борьбы за развитие хабаровской группы институтов, с горечью констатировал: край так и не добился своевременного строительства лабораторных корпусов и жилья для ученых, а созданные учреждения существуют в статусе «полуинститутов» на временных и арендованных площадях³⁷.

Результатом накопившихся противоречий между масштабными планами и суровой реальностью стал пересмотр ранее принятых решений об открытии институтов. Распоряжением и.о. председателя ДВО АН СССР академика Ю.А. Косыгина от 17 мая 1990 г. предписывалось приостановить организацию Института стратиграфии, Института экспериментальной физиологии растений и Института леса и лесохимии. Второй пункт распоряжения гласил: «Воздержаться от открытия этих, а также создания других институтов ДВО АН СССР до завершения строительства зданий и комплектования существующих институтов»³⁸.

Наиболее проработанные проекты институтов во Владивостоке и Магадане оказались заморожены на неопределенный срок. В последующие годы возврат к этим планам оказался невозможным. Замыслы быстрого расширения сети институтов, порожденные оптимизмом перестройки и созданием Дальневосточного отделения АН СССР, столкнулись с нерешенными инфраструктурными проблемами и надвигавшимся экономическим коллапсом³⁹.

Вместе с тем после фактического моратория на создание новых НИИ организационная активность не угасла, но приобрела иные формы. В условиях растущей неопределенности, дискуссий о судьбе АН СССР и создании республиканской академии (первоначально – Академии наук РСФСР)⁴⁰ Президиум Дальневосточного отделения АН СССР использовал возможности для поддержки ряда новых институтов, если считал условия для их создания более-менее благоприятными. Так, еще в конце 1980-х годов возник и получил развитие проект формирования академического института в Еврейской автономной области. В марте 1990 г. Президиум АН СССР утвердил создание Института региональных системных исследований в Биробиджане⁴¹. В отличие от многих других проектов того времени, Биробиджанскому институту суждено было состояться: в 1990 г. он был открыт под наименованием Институт комплексного анализа региональных проблем (ИКАРП) ДВО АН СССР⁴².

³⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 80.

³⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 56. Л. 18, 26.

³⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 940. Л. 18.

³⁹ Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. ... С. 205.

⁴⁰ Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4. С. 55–56.

⁴¹ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 7–8.

⁴² Фетисов Д.М., Гуревич В.С. Среднее Приамурье: из истории научных исследований. Хабаровск, 2025. С. 199.

Кроме того, обсуждалась возможность создания институтов на новых «кооперативных» началах. Еще в марте 1989 г. ведущий научный сотрудник Института горного дела ДВО АН СССР Р.А. Стрёмовский выступил на страницах газеты «Дальневосточный ученый» с программной статьей под заголовком «Могу организовать *Институт по очистке промышленных стоков*». Автор сообщал, что созданный им кооператив «Кристалл» разработал и внедрил на предприятиях Хабаровска установки по очистке стоков от нефтепродуктов, поверхностно-активных веществ и ионов тяжелых металлов. Принципиальная новизна предлагаемого подхода заключалась в отказе от дорогостоящих общезаводских очистных сооружений в пользу локальных установок, размещаемых непосредственно в цехах. Инициатива предполагала «открытие в системе АН СССР института на кооперативных началах»⁴³, однако этот проект, несмотря на высокую практическую значимость и внимание со стороны Сибирского отделения АН СССР⁴⁴, не получил развития в системе Академии наук.

Ряд новых институтов был создан посредством разделения существующих с использованием их штатных единиц, лабораторных площадей и бюджетного финансирования. Так, в 1991 г. на базе Хабаровского отделения Института машиноведения и металлургии был организован самостоятельный Институт материаловедения. На Камчатке из состава Института вулканологии был выделен Институт вулканической геологии и геохимии⁴⁵, а на основе Камчатского отдела природопользования Тихоокеанского института географии (ТИГ) создан Камчатский институт экологии и природопользования⁴⁶. Практика показала неустойчивость новообразованных институтов: уже в 1992 г. Объединенный ученый совет по геологии, геофизике и горным наукам признал разделение Института вулканологии «изначально ошибкой», а в 2003 г. институты были вновь объединены⁴⁷. Годом ранее Камчатский институт экологии и природопользования был вновь реорганизован в отдел в состав ТИГ.

Проекты реорганизации Института экономики океана: между переименованием, разделением и ликвидацией. Широкая дискуссия развернулась в конце 1980-х – начале 1990-х годов вокруг Института экономики океана. Созданный в 1983 г. на базе Владивостокского отделения Института экономических исследований, а в 1987 г. переименованный в Институт экономических и международных проблем освоения океана (ИЭМПОО), он находился в состоянии непрерывных организационных преобразований. Уже в 1986 г. президент АН СССР академик Г.И. Марчук, комментируя предложения по развитию института, заметил: «Что такое экономика освоения океана? Продумайте название института, потому что “экономика океана” не звучит»⁴⁸. Вопрос о названии и, следовательно, о научной идентичности института стал предметом острых споров на несколько лет.

Исполняющий обязанности директора Р.Ш.-А. Алиев в 1990 г. предложил три сценария реорганизации ИЭМПОО: ликвидацию и создание нового *Института АТР*, разделение, переименование с усилением международной проблематики⁴⁹. Отделение экономики АН СССР поддержало третий вариант, одобрив переименование в Институт экономических и международных проблем АТР⁵⁰. Полученная в Москве поддержка не разрешила противоречий. Дискуссии о новом названии (Институт АТР, Институт Восточной Азии, Дальневосточный институт экономики и международных отношений) затянулись на год и не привели к консенсусу⁵¹. Алиев отстаивал идею института, способного исследовать проблемы сотрудничества в Восточной Азии, включая «проблему объединения двух Корей» и внешнеэкономическую политику стран региона⁵². Институт мыслился как небольшое, но сильное учреждение с международными связями, укомплектованное сотрудниками со знанием

⁴³ Стрёмовский Р. Могу организовать институт по очистке промышленных стоков // Дальневосточный ученый. 1989. 29 марта – 4 апр. С. 6.

⁴⁴ О чем пишут коллеги // Наука в Сибири. 1989. 2 июня. С. 7.

⁴⁵ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110–111.

⁴⁶ Там же. Д. 890. Л. 56.

⁴⁷ Там же. Д. 1429. Л. 211.

⁴⁸ Там же. Д. 716. Л. 79.

⁴⁹ Там же. Д. 16. Л. 164.

⁵⁰ Там же. Д. 17. Л. 81.

⁵¹ Там же. Л. 117.

⁵² Там же. Л. 168.

иностранных языков. Многие члены ученого совета ИЭМПОО встретили эту инициативу скептически, а новый председатель ДВО АН СССР академик Г.Б. Еляков вынес суровый вердикт: «Специалистов, как я вижу, здесь по международному направлению нет... Есть мальчики и девочки, которые знают иностранный язык, но это хорошо для преподавателей, но не для фундаментальной работы»⁵³.

В ходе затянувшейся дискуссии о судьбе ИЭМПОО был предложен еще один проект реорганизации. В июне 1991 г. на страницах газеты «Дальневосточный ученый» научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) Н.П. Рябченко предложил создать на базе ИЭМПОО и ИИАЭ единый *Центр общественных наук* по образцу академий общественных наук КНР⁵⁴. Данный проект, предполагавший радикальное переустройство структуры гуманитарной науки в Дальневосточном отделении, также остался нереализованным. В поисках выхода из кризиса осенью 1991 г. обсуждался очередной план реорганизации. Сотрудник ИЭМПОО М.В. Терский предложил перейти к «холдинговой структуре», основанной на проектно-целевом финансировании. По его замыслу, институт следовало сократить до 35–40 чел., создав малые предприятия для трудоустройства остальных сотрудников⁵⁵. Однако и это предложение не получило поддержки.

Дискуссии о реорганизации, переименовании, разделении или создании нового института оказались бесплодными. 28 января 1992 г. Президиум Российской академии наук по представлению руководства Дальневосточного отделения своим постановлением ликвидировал ИЭМПОО⁵⁶. Его научный потенциал, собиравшийся по крупницам в течение многих лет, был частично рассеян, частично поглощен другими институтами⁵⁷.

Проект «Института катастроф». В январе 1991 г. на заседании Президиума ДВО АН СССР рассматривалась возможность организации НИИ с рабочим названием «*Институт катастроф*». Инициатива исходила от Государственной комиссии СССР по чрезвычайным ситуациям, желавшей организовать на Дальнем Востоке учреждение для изучения и прогноза землетрясений, цунами, извержений вулканов. Обсуждение сразу выявило глубокие разногласия. Резкой критике подвергся проект названия. Ю.А. Косыгин сравнил «Институт катастроф» с «Министерством болезней» или заголовком сатирической заметки для журнала «Крокодил»⁵⁸. В ходе прений были предложены альтернативные наименования: Институт экстремальных природных явлений, Институт защиты от природных бедствий, Институт цунами и т.д.⁵⁹

Содержательные возражения оказались еще более серьезными. К.Ф. Сергеев, директор Института морской геологии и геофизики (Южно-Сахалинск), на базе которого предполагалось развернуть новую структуру, сообщил, что в его коллективе есть специалисты только по цунами и сейсмичности, но нет вулканологов и других необходимых кадров. Академик В.И. Ильичёв указал на опасность подмены сущностей: Государственной комиссии СССР по чрезвычайным ситуациям требовалась оперативная служба предупреждения, а не академический институт, и смешение этих функций грозило превращением научного учреждения в «ответственную службу». Критиковался и способ инициирования проекта: «без обсуждения, без проработки, больше похоже на приказание»⁶⁰. В итоге Г.Б. Еляков констатировал, что «вопрос до принятия решения не дорос», и снял его с дальнейшего обсуждения⁶¹. Проект «Института катастроф» остался нереализованным, однако сама дискуссия обнажила системные противоречия академического строительства позднесоветского периода: кадровую и инфраструктурную недостаточность, сопротивление административному давлению и трудность институционального оформления междисциплинарных программ.

⁵³ НА ДВО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 208.

⁵⁴ Рябченко Н. Пусть расцветают все цветы? // Дальневосточный ученый. 1991. 5–11 июня. С. 2.

⁵⁵ НА ДВО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 217.

⁵⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1028. Л. 17.

⁵⁷ Калинин А. Институт закрыт. Все ушли. Куда? // Дальневосточный ученый. 1993. 14 янв. С. 1, 4.

⁵⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 999. Л. 38–39.

⁵⁹ Там же. Л. 39, 41, 44, 49.

⁶⁰ Там же. Л. 46–48.

⁶¹ Там же. Л. 50.

Закключение. История неосуществленных проектов создания новых институтов ДВО АН СССР представляет собой наглядный пример исчерпания возможностей прежней модели развития академической сети. Главный урок этого периода состоит в том, что стратегия пространственного расширения и дробления научных коллективов при отсутствии адекватного ресурсного обеспечения неизбежно ведет к распылению ограниченных средств и снижению управляемости. Решение воздержаться от открытия новых институтов до завершения комплектования и строительства зданий существующих стало вынужденным признанием невозможности дальнейшего роста числа научных учреждений без предварительного укрепления материально-технической базы. Попытка обойти это ограничение путем разделения уже существующих институтов привела к утрате целостности исследовательских направлений, впоследствии потребовав обратного объединения. С наступлением 1990-х годов политика роста окончательно уступила место политике выживания, когда главной задачей стало не создание новых структур, а сохранение кадрового ядра и исследовательской инфраструктуры в условиях системного кризиса. Опыт этого периода убедительно доказывает, что устойчивое развитие академической науки требует синхронизации организационных решений с реальными возможностями. Только это способно гарантировать преемственность научных школ и сохранение исследовательского потенциала в долгосрочной перспективе.

Литература

- Богатов В.В. Из истории становления Дальневосточного научного центра АН СССР // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2020. № 5. С. 5–17.
- Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток: Дальнаука, 2024. 576 с.
- Богатов В.В. Организатор биологической науки: к 100-летию со дня рождения П.А. Лера // Биота и среда природных территорий. 2024. Т. 12, № 3. С. 54–79.
- Бузник В.М. Хабаровский научный центр ДВО РАН: история, состояние, проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН. 2001. № 6. С. 9–27.
- Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4. С. 48–67.
- Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 8–18.
- Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216.
- Кузнецов А.М. Нереализованный шанс дальневосточной науки // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019. № 1. С. 126–137.
- Малявина Л.С. Научные учреждения советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 55–60.
- Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123.
- Фетисов Д.М., Гуревич В.С. Среднее Приамурье: из истории научных исследований. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2025. 244 с.

References

- Bogatov, V.V. (2020). Iz istorii stanovleniya Dal'nevostochnogo nauchnogo tsentra AN SSSR [From the History of the Formation of the Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 5, pp. 5–17.
- Bogatov, V.V. (2024). *Akademicheskaya nauka na rossiyskom Vostoke (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk)* [Academic Science in the Russian East (To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)]. Vladivostok, Dal'nauka. 576 p.

Bogatov, V.V. (2024). Organizator biologicheskoy nauki: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Lera [Organizer of Biological Science: To the 100th Anniversary of the Birth of P.A. Ler]. In *Biota i sreda prirodnnykh territoriy*. Vol. 12, No. 3, pp. 54–79.

Buznik, V.M. (2001). Khabarovskiy nauchnyy tsentr DVO RAN: istoriya, sostoyanie, problemy i perspektivy [Khabarovsk Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences: History, State, Problems and Prospects]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 6, pp. 9–27.

Derevyanko, A.P. (1999). Akademicheskaya nauka na Dal'nem Vostoke Rossii [Academic Science in the Russian Far East]. In *Rossiya i ATR*. No. 2, pp. 8–18.

Dudarenok, S.M. (2024). Dal'nevostochnoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk v nachale 1990-kh gg. [The Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the Early 1990s]. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. Vol. 45, pp. 203–216.

Fetisov, D.M., Gurevich, V.S. (2025). *Srednee Priamur'e: iz istorii nauchnykh issledovaniy* [The Middle Amur Region: From the History of Scientific Research]. Khabarovsk, Khabarovskaya kraevaya tipografiya. 244 p.

Kuznetsov, A.M. (2019). Nerealizovanny shans dal'nevostochnoy nauki [An Unrealized Chance of the Far Eastern Science]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 1, pp. 126–137.

Malyavina, L.S. (2011). Nauchnye uchrezhdeniya sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody [Scientific Institutions of the Soviet Far East in the 1920s–1930s]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 2, pp. 55–60.

Raskolets, V.V. (2017). Polozhenie ob Institute issledovaniya Sibiri: ot pervykh proektov do utverzhdeniya (noyabr' 1917 – oktyabr' 1919 g.) [The Regulation on the Institute for the Study of Siberia: From the First Projects to Approval (November 1917 – October 1919)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 418, pp. 114–123.

Vorontsov, N.S. (2025). Dvizhenie za sozдание Rossiyskoy akademii nauk (po materialam Dal'nevostochnogo otdeleniya AN SSSR) [The Movement for the Creation of the Russian Academy of Sciences (Based on Materials from the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 48–67.